

УДК 069 (571,53)
DOI 10.18101/978-5-9793-1461-7-2020-181-185

**ПЕРСПЕКТИВА СКАНСЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ПО АКТУАЛИЗАЦИИ МАТЕРИАЛЬНОГО
НАСЛЕДИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.**

© **Владимир Викторович Тихонов**
кандидат культурологии,
директор ИОГАУК АЭМ «Тальцы»

Рассматриваются перспективы актуализации сохранившегося в Иркутской области материального историко-культурного наследия рубежа XIX–XX вв. по православной миссионерской деятельности среди коренного населения западных бурят на примере создания и функционирования православных миссионерских станов, а также их распространённость, состав, принципы организации и функционирования. В плане актуализации этого направления православной миссионерской деятельности рассмотрен вариант аутентичного воссоздания по аналогам экспозиции «Бурятский православный миссионерский стан» в экспозиционной зоне западных бурят в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» с детальным составом этой экспозиции.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Иркутская епархия; миссия; миссионеры; православный стан; экспозиция; западные буряты; улус-зимник; инородцы; миссионерская деятельность.

**THE PROSPECT OF THE SCANNING PRACTICE
IN THE IRKUTSK OBLAST ON ACTUALIZATION
OF THE MATERIAL HERITAGE OF THE ORTHODOX MISSIONARY ACTIVITY
IN THE MID 19th — EARLY 20th CENTURY**

Vladimir V. Tikhonov
Cand. Sci (Cultural Studies),
Director of “Taltsy” Museum

In the article the prospects of actualization of the preserved in the Irkutsk oblast material, historical and cultural heritage of of the turn of the 19th – 20th centuries on the Orthodox missionary activity among the indigenous population of Western Buryats are discussed on the example of the creation and functioning of Orthodox missionary camps, as well as their prevalence, composition, principles of organization and functioning. To perform this direction of the Orthodox missionary activities, the authentic recreation of the “Buryat Orthodox Missionary Camp” exposition has been considered in the Western Buryat exposition zone in the “Taltsy” Architectural-Ethnographic Museum with a detailed composition of this exposition.

Keywords: Russian Orthodox Church; Irkutsk diocese; mission; missionaries; Orthodox camp; exposition; the Western Buryats; ulus winter camp; indigenous people; missionary activity.

Анализ статистических данных о числе крещеных инородцев в Иркутской губернии в сравнении с другими западными сибирскими губерниями показал, что доля православного инородческого населения была значительно ниже и составляла около 68% [1, с. 104]. Для исправления сложившейся ситуации учреждается в 1861 г. Иркутская миссия и начинают создаваться миссионерские станы. Уже в

1863 г. работу среди инородцев вели 5 православных миссионеров [2, с. 196]. Основная миссионерская деятельность среди коренного населения губернии велась среди западнобурятского населения. При этом в основном православные миссионерские станы создавались непосредственно в бурятских улусах-зимниках. Такая работа среди западнобурятского населения была связана с тем, что в это время значительно усилилась в Предбайкалье деятельность ламаистских миссионеров, несмотря на чинимые им препятствия и ограничения со стороны светской православно ориентированной власти. Об интенсивности православной миссионерской деятельности говорит такой факт: в 60-х гг. XIX в. в одном из пяти православных станов миссионером был Николай Доржиев, бурят, в прошлом лама, принявший православие. Уже к 1910 г. доля православных среди инородцев составляла 85,5%, при этом она по-прежнему была ниже, чем в западных сибирских губерниях, почти в 2 раза [3, с. 234]. Однако П. Е. Кулаков утверждает, что на рубеже XIX–XX вв. крещеных среди западных бурят было 35% [4, с. 120]. Расхождение в цифрах объясняется тем, что многие западные буряты православие принимали формально, по материальной заинтересованности. По факту они становились двоеверцами. Заинтересованность инородческого населения в принятии православия (крещения) была различной. Материальная заинтересованность определялась получением при крещении подарков в виде медного креста, крестильной рубахи с портами (штанами), халата и денежного подарка в три рубля. В некоторых случаях для крестившихся в возрасте до 12–15 лет денежные подарки были меньше трех рублей. В улусе Залог купец Сапожников выдавал крестившимся инородцам денежный подарок в 35 руб. — огромные деньги для инородцев в то время [5]. Дарились иконы. Людям с высоким социальным статусом выдавались более дорогие подарки: серебряные кресты, богатые кафтаны и т. д. Для крестившихся накрывались столы с едой. На одну из таких трапез в 1867 г. потратили 104 руб. 40 коп. [6, с. 129–130]. В 1878 г. расходы на обращение инородцев в христианскую веру в среднем составляли 85 коп. на человека. Следует отметить, что многие инородцы, в особенности знать, также активно участвовали в привлечении своих соплеменников к обращению в православие, за эти заслуги они получали дополнительное вознаграждение, включая медали, а также дорогие почетные кафтаны, кортики в серебряной оправе и т. д. [Там же, с. 51]. Основными конфессиональными соперниками православия в регионе были шаманизм и ламаизм. Так, на 1911 г. в Иркутской губернии из всего населения шаманистами оставались 7% населения, а среди инородцев, практически только среди западных бурят, шаманистами были 50 тыс. чел. и 2 тыс. — эвенки и карагасы. Ламаистами считались от 5 до 10% населения [4, с. 120; 3, с. 242].

Для организации православных миссионерских станов выбирались территории, где был достаточный объем инородческого населения для ведения миссионерской деятельности, обычно или в центре большого улуса-зимника, или на его краю. Первое было предпочтительней, особенно рядом со степной думой [7, с. 56], аналогом русской волостной управы. На сходы (сугланы), проводимые степной думой, приезжало много инородцев, в особенности знати, что являлось хорошим поводом для обращения в православие большого количества местного населения. Место для православных миссионерских станов выбиралось вблизи водоемов, где можно было сразу проводить крещение большого числа людей. Территориально православный миссионерский стан обслуживал от 15 до 43 улу-

сов. Расстояние до дальних улусов-зимников доходило до 60 верст. Однако были и исключения. Так, Еланцинский православный миссионерский стан обслуживал наиболее удаленный улус на расстоянии 330 верст [8, с. 63]. Численность приписного населения к православным миссионерским станам в Иркутской губернии на начало XX в. колебалась от 3 тыс. до 12 тыс. Инфраструктура православных миссионерских станов формировалась за счет церквей, практически всегда строящихся по каталогу рекомендуемых проектов; дома священника (миссионера и псаломщика) [9, с. 24], церковноприходской школы (училище), которые так же, как и церкви, строились по чертежам (альбомам) образцовых проектов; крещальни, чаще всего помоста на реке (летом) для массового крещения, а при отсутствии водоема ставили купальни рядом с церковью в виде большой бочки; общежития для учеников в виде дома русского типа; странноприемной (гостевой) юрты [9, с. 24] для посещающих учеников родителей; аптеки (очень редко); места у церкви под столы для угощения. Если по церквям все понятно, то относительно церковноприходских школ следует сказать, что они были только в 11 православных миссионерских станам Иркутской губернии [10, с. 30]. В зависимости от количества учащихся, школы имели разные размеры. В среднем в школах училось от 10 до 30 детей, как инородцев (бурят, монголов, соетов, тунгусов), так и русских [11, с. 580–581]. В основном обучались мальчики, девочки учились реже [12, л. 2]. Иногда, когда было мало учеников, занятия проводили в бывших жилых домах. Совсем небольшой контингент обучающихся мог обучаться в доме священника. В православных миссионерских школах обучение растягивалось на два года. Первый год учились Закону Божьему и чтению. На второй год учились писать и считать. По истечении двух лет обучения получали аттестат об окончании одного класса церковноприходской школы. Дома для священников в пределах православных миссионерских станам стали строить после 1866 г. До этого времени священники проживали в свободных домах улусов-зимников, что некоторые священники делали и в последующем. Дома священников возводились по русскому стилю в составе усадьбы, состоящей из дома, флигеля, кухни, амбара, ледника, завозни, бани, колодца. Дома иногда были двухэтажные [6, с. 107], просторные. Последнее обстоятельство было связано и с тем, что для массовых крещений приглашались в помощь дополнительные священники и их надо было размещать. В усадьбе содержался скот, для этого строились стойки с поветями. Усадьба священника должна была выглядеть образцовой, что привлекало инородцев к оседлому образу ведения хозяйства [13, с. 101–102]. Православный миссионерский стан включал в орбиту своей деятельности как близрасположенные улусы, так и дальние, откуда дети не могли ежедневно добираться на учебу. Поэтому некоторые из них жили у родственников в улусе, где располагалась школа при православном миссионерском стане. Школьники, у которых рядом со школой не было родственников, жили в общежитии, располагавшемся в отдельном здании при школе по интернатному типу [14, с. 403–404]. Общежития размещались в домах русского типа. Упоминания об общежитиях в юртах отсутствуют. В свою очередь, есть упоминания о гостевых домах для приезжих родителей учеников в юртах [15, с. 181]. В целях привлечения инородцев к православной вере, за счет более эффективных средств лечения болезней, чем это делалось шаманами и ламами, православным миссионерам вменялось оказывать посильную медицинскую помощь и для этого при православном миссионерском стане иметь аптечку, которая размещалась в доме священника. Отдельно

зданий аптеки или фельдшерского пункта при православном миссионерском стане не предусматривалась.

Крещальни строились на водоеме вблизи или на территории православного миссионерского стана. Крещальня представляла собой деревянный помост, уходящий в воду, с которого крестившихся с головой три раза погружали в воду. Крещальни строились закрытыми, чаще всего в виде изгороди из полотна отдельно для мужчин и для женщин в летнее время. Зимой крещений практически не было.

Для формирования этнографических экспозиций в этнографических музейных комплексах под открытым небом в Иркутской области в конце 90-х гг. XX — начале XXI в. сотрудниками архитектурно-этнографического музея «Тальцы» было проведено детальное историко-культурное зонирование региона с целью выделения этномаркирующих составляющих в материальных носителях культуры, выполненных по этно-географо-экономико-хозяйственному принципу, позволявших выделить в регионе десять историко-культурных зон, включая этническую западнобурятскую, в которой как макромаркирующая составляющая выделены православные миссионерские станы. Экспозицию православного миссионерского стана предложено сформировать в составе этнической бурятской экспозиции архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (регионального этнографического музейного комплекса под открытым небом). Для размещения экспозиции подобраны соответствующие историческим ландшафтные условия на безымянном ручье, что позволит максимально приблизить экспозицию к историческим истокам. В составе экспозиционного православного миссионерского стана проектом предусматривается размещение церкви, школы, дома священника, гостевой юрты и крещальни на ручье. Так как экспозиция миссионерского стана будет продолжаться вверх по ручью улусом-зимником, из ее состава исключается дом-общежитие для учащихся. Так как площадь под экспозицию «Православный миссионерский стан» ограничена, усадьбу священника представит только один дом, без хозяйственных построек. Такие варианты также были.

Формирование в составе архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск) экспозиции «Православный миссионерский стан» позволит актуализовать за счет аутентичного воссоздания историко-культурного наследия как западнобурятский этнос, так и интересные стороны истории православной миссии в Иркутской губернии за счет сохранения существующего и аутентичного воссоздания утраченного материального наследия.

Литература

1. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX в. Ч. 2. Иркутск, 2006. 324 с.
2. Тихонов В. В. Перспектива музеефикации элементов православной миссионерской деятельности первой половины XIX — начала XX в. в Иркутской области // Наследие Святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях. Иркутск, 2015. С. 193–198.
3. Азиатская Россия // Религия и вероисповедный состав населения. Т. 1. СПб., 1914. С. 200–242.
4. Кулаков П. Е. Буряты Иркутской губернии // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1895. Т. 26. Вып. 4–5. С. 118–166.
5. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 9100. Отчет о состоянии Заложного миссионерского стана за 1911 г.

6. Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 2. 1868–1872 гг. Иркутск, 1884. С. 632.
7. Труды православных миссий Иркутской епархии. Т. 4. 1878–1883 гг. Иркутск, 1886. 678 с.
8. Иркутские епархиальные ведомости. 1915. № 9.
9. Якоби А. И. О миссионерском стане в стране Надыма и о возможной постановке христианской миссии в станах русского инородческого севера. Тобольск: Тип. Тобол. епархиального братства, 1895. 48 с.
10. Тихонов В. В. Практика музеефикации материальных носителей культуры православной миссионерской деятельности в Иркутской области // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Улан-Удэ; Посольск: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. 314 с.
11. Иркутские епархиальные ведомости. 1911. № 24.
12. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 9142.
13. Иркутские епархиальные ведомости. 1915. № 11.
14. Иркутские епархиальные ведомости. 1910. № 13–14.
15. Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 16–17.